

Цви Прейгерзон ценился в Союзе как крупный специалист по обогащению угля, пока не узнали, что он пишет в стол, да еще на иврите. Шесть лет лагерей и полный запрет на творчество – большинство книг вышли в Израиле уже после его смерти. В связи с выходом полного собрания рассказов Прейгерзона на русском его дочь Нина рассказала Jewish.ru, как он писал свою прозу между строк «Капитала» Маркса и почему в лагерях его называли раввином.

Ваш отец страдал от того, что его не публикуют?

– До определенного времени, то есть до 1934 года, отец писал тексты на иврите и посылал за границу – в Палестину, Англию, то есть туда, где выходили издания на иврите. Но когда убили Кирова и начался террор, он перестал это делать. Не то, чтобы испугался, но его мать «повисла» у него на шее – она его очень любила и боялась за него. Он был крупным инженером, писал книги по специальности, был кандидатом наук, интенсивно работал. Но одновременно очень любил иврит, считал его своим родным языком. И в тайне от всех продолжал писать – в стол. Несколько лет он писал в стол – последний его довоенный рассказ датирован 1936 годом. Потом он как будто перестал писать, но когда началась война, он понял, что не может дальше молчать. Он знал много языков, слушал какие-то радиостанции и уже в конце 30-х знал, что немцы делают с евреями. И по-видимому, в 1941 году снова начал писать. Я не раз рассказывала эту историю – мне было 12 лет, мы жили в эвакуации в Караганде, я как-то занималась уборкой и обнаружила на книжной полке «Капитал» Маркса. Зачем-то открыла эту книгу и увидела, что между строк вписаны мелкие буквы какого-то иностранного языка. И я поняла, что это иврит – я слышала, как мой папа говорит на иврите с близкими друзьями. Но кроме него никто в семье не знал этого языка – мы даже не знали, что отец что-то пишет, он писал по ночам. А строки в «Капитале» были началом романа «Когда погаснет лампада».

Он ведь писал всю войну и после нее, вплоть до того момента, пока его не забрали в лагерь?

– Да, его арестовали в марте 1949 года – естественно, «за еврейский национализм». То есть получается, что он писал с 1927-го, когда был написан первый его рассказ, до 1936-го, потом примерно с 1941-го до ареста в 1949-м, а потом после освобождения в 1955-м и до своей кончины.

То есть и в лагере писал?

– У него был друг, Меер Баазов, так вот он рассказывал, что отец в лагере продолжал сочинять, только ничего не записывал, все было у него в голове. Но я не знаю подробностей, мой отец об этом не писал. У него есть книга «Дневник воспоминаний бывшего лагерника», но там он в основном пишет о людях, которых встретил в лагере. У него была прекрасная память, он обладал уникальным свойством раскрывать душу человека, с которым общался. В лагере его называли «рэбе» – об этом вспоминали те, кто был с ним там. Он, кстати, в редкие свободные минуты в лагере учил желающих ивриту – именно его ученики потом, в 60-е, открыли первые ульпаны в Москве.

В одном из рассказов он описал, как во время допросов отказался говорить по-русски, только на иврите, и как ему нашли переводчика, в котором он узнал своего ученика. Прейгерзон пишет, как долго вынашивал план мести и...

– Улучив момент, ударил стукача в живот. Думаю, это литературный вымысел, литературная правда. Во всяком случае, он нам такого не рассказывал. Правда, он вообще не рассказывал о лагере.

В его рассказах, особенно ранних, 1920–1930-х, вообще много правды? Например, в его описании местечек, по которым он путешествовал?

– Он именно поэтому и назвал себя Биньямином IV, что очень много ездил, смотрел, запоминал. Вы знаете, у него всё – правда, и при этом всё – результат большой литературной работы.

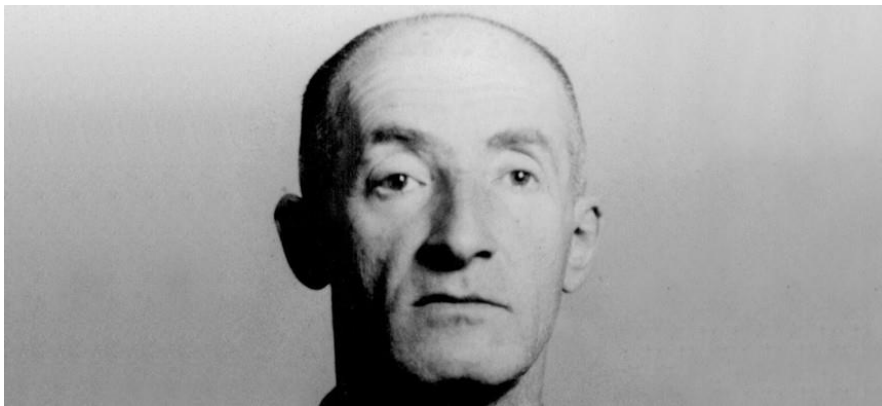

В разговоре о писателе Цви Прейгерзоне все время всплывает тема сионизма, и это естественно – человек, живущий в Советском Союзе, всю жизнь пишет тексты на запрещенном в стране еврейском языке и лелеет мечту о Палестине. Однако мне кажется, что для большинства произведений Прейгерзона сионизм не столь важен, что они ничего не теряют без сионистской идеи, что его рассказы, особенно ранние, очень легко представить написанными на идише.

– Из разговора о Прейгерзоне нельзя исключить иврит, потому что он сам – иврит. В его произведениях нет политики, но мы-то знаем, кем он был. Конечно, его темой было русское еврейство, как и у Шолом-Алейхема, например. А сионизм – это израильская тема, которой он принадлежал душой. Это была своеобразная двойная жизнь – точно так же, как и его двойная жизнь авторитетного инженера и тайного писателя. Он все понимал о происходящем вокруг, конечно, но дома о политике не говорили. Ни в конце тридцатых, ни после войны, во время дела ЕАК, – отец очень берег нас.

До лагеря, до ареста у него были какие-то отношения с литературными кругами, еврейскими и другими? С людьми из Еврейского антифашистского комитета? С представителями идишской культуры?

– Он старался быть в курсе всего, очень любил Еврейский театр Михоэлса, водил меня туда, старался много читать. Но лично – нет, они не пересекались. Зато могу сказать, что папа всю жизнь поддерживал близкие дружеские отношения с писателем Цви Плоткиным и Меиром Баазовым, знатоками иврита. Их и арестовали одного за другим. К слову, папа никогда не посвящал нас, свою семью, в какие-то еврейские дела. Только в середине шестидесятых он сказал, что готов учить нас ивриту. Я успела взять у него два урока. Понимаете, он, ничего не рассказывая, создавал в доме «сионистскую» атмосферу. Например, мы всегда знали, что есть Палестина – единственное в мире государство, где нет антисемитизма. Но наша семья была далека от традиции, отец был светским человеком. Лишь после войны он стал ходить в синагогу. И он очень любил пение канторов.

Он любил иврит, думал и, естественно, писал на нем, зная, что в Советском Союзе никогда не будет опубликован ни один его текст. Почему он не переводил свои тексты на русский?

– В конце 60-х, когда мы уже начали говорить с ним на эти темы, я попросила папу перевести для меня хотя бы один рассказ. Он ответил: «Мои тексты нельзя перевести на русский язык». Он считал, что они существуют только в пространстве иврита – какие-то вещи нельзя перевести, их нужно просто знать, чувствовать, проживать.

Нет ли противоречия, что сейчас книги все же выходят на русском языке?

– Я задавала этот вопрос профессору Михаэлю Занду – одному из тех людей, с которыми мой отец говорил на иврите. Он ответил, что настало время для того, чтобы этого писателя узнали как можно больше людей. Ведь никто даже не догадывался, что за человек живет с ними в одной стране!

Сейчас, когда происходит пришествие писателя Прейгерзона, каковы ваши ожидания? Какое место, как вы думаете, займет ваш отец в литературе?

– Алекс Тарн, замечательный писатель и переводчик Цви Прейгерзона на русский язык, в статье пишет, что ивритская литература еще очень молода. И все время своего существования она в основном занималась осмыслением Шестидневной войны, Войны за независимость, она занималась патриотизмом. Но наступит время, когда ивритская литература вберет в себя все стороны жизни еврейского народа, всю его историю. И тогда Цви Прейгерзон найдет свое место в мировой еврейской литературе. От себя же могу сказать, что уверена – мой отец был выдающимся писателем.